

Глава 1152: Нестареющая гора в волне

Гуань Фэйбай замер.

Прежде, чем они покинули Гору Ли, их старший брат приготовил по шелковому мешочку для каждого из них, говоря им открыть их в ключевой момент.

Несколько дней назад, когда Северный Третий Лагерь был окружен, и все еще не прибыли подкрепления из кавалерии Ортодоксии, он заметил, что Лян Баньху открыл то письмо и очень долго читал его у костра.

На следующий день Лян Баньху погиб в бою.

Сегодня пришел его черед?

Он вынул шелковый мешочек и открыл его. Внутри были письмо и пилюля.

Цюшань Цзюнь в письме объяснял, что эта пилюля была той, с помощью которой Сяо Чжан совершал прорыв, хотя она в итоге вызвала его безумие.

У поедания этой пилюли был шанс вызвать большой прирост силы, который, возможно, даже приведет к прорыву в культивации, но был еще больший шанс, что она разрежет все меридианы. В менее серьезных случаях он закончит, как Сяо Чжан, и ему потребуется культивировать десяток лет перед восстановлением, а в самых серьезных случаях это приведет к смерти на месте.

Бай Кай не видел, что было на том письме, но он догадывался по изменениям лица Гуань Фэйбая. Он начал молить его прекратить.

Гуань Фэйбай бесстрастно сжал пилюлю, не придавая внимания его уговорам.

Бай Кай повернулся к Сюй Южун и заплакал: «Зачем ты напомнила ему об этом?

«Зачем винить Младшую Сестру? В конце концов, это выбор, который каждый из нас сделает».

У Гуань Фэйбая было очень спокойное лицо. Сказав эти слова, он проглотил пилюлю.

После этого он заснул.

«Это лишшающее сознания лекарство. Старший Брат попросил Чэнь Чаншэна приготовить их».

Сюй Южун объяснила Бай Каю: «В шелковом мешочке Лян Баньху тоже было одно, хотя я не знаю, почему он не съел его. Возможно, он не доверял содержимому письма?»

Бай Кай смотрел, как его младшего брата уносят, как пьяницу, и подсознательно почесал голову: «Я все еще не открыл свое письмо, так что не знаю, говорит ли оно то же самое».

Сюй Южун погладила его по голове и мягко сказала: «Тогда просто следуй за мной».

Только сейчас Бай Кай осознал, куда она все это время направляла разговор.

.....

.....

Основная сила демонов была действительно сосредоточена на атаке Восточной Армии. Кроме десятка тысяч волчьих всадников они также взяли в несколько раз больше племенных воителей.

Самым важным доказательством было то, что эту армию вел Командир Демонов.

С десятка ли все еще было возможно ясно разглядеть громадные очертания Свергающего Горы Беса.

Старый Свергающий Горы Бес умер в Ножилане, и было сложно сказать, где Командир Демонов умудрилась найти еще одного.

Единственная рука Ван По обнимала его клинок, пока он сидел во влажном и грязном болоте. Он прислонился к оболочке давно погибшего дерева, закрыв глаза и игнорируя звуки сражения и смерти из-за тонких туманов.

Его раны были далеки от восстановления. Если он хотел заблокировать Командира Демонов, он должен был ценить каждую крупницу своих сил.

Почему демоны уступили насчет Главного Лагеря Центральной Армии и атаковали Восточную Армию? Причина была настолько простой, что все могли видеть ее.

Потому что все могли видеть ту маленькую гору на краю поля боя.

На той горе была повозка.

В этой повозке был маленький мальчик-даосист.

Молодой мальчик-даосист сейчас управлял воздушным змеем.

К воздушному змею была привязана громадная картина.

На картине было изображено сожжение Храма Сангхарамы.

.....

.....

Волчья кавалерия устремилась вперед, как волна, но когда они все еще были в нескольких ли от горы, им преградила путь черная кавалерия.

Битва была проведена с невероятной прямоотой и грубостью. Намерения каждой из сторон были очевидны, так что не было особой тактики, о которой можно было бы говорить.

Казалось, что все равнины могли слышать тряску с востока, яростные звуки сражения.

«Я не знаю, сможет ли та сторона продержаться. Я только знаю, что я вот-вот достигну своего предела».

Было невероятно редким явлением, когда Линхай Чживан говорил с Чэнь Чаншэном таким тоном.

Он и правда был под невероятным давлением. Прямо сейчас, как только он вышел из палатки, он немедленно привлек бесчисленные взгляды.

Это были взгляды расспроса, беспокойства, презрения или приободрения. Они были невероятно сложными и исключительно злобными.

Основные силы демонов атаковали Восточную Армию, и та маленькая гора в любое время могла утонуть в той черной волне.

В это время все хотели знать позицию Попа.

Подавляющее большинство священников и солдат надеялось, что он вмиг прикажет армии выдвинуться им на помощь.

Да, даже у Божественного Генерала Хэ Мина не было права давать этот приказ. Только сам Чэнь Чаншэн мог сделать это.

«Если с той стороны не поступит новостей, мы не выдвинемся».

Чэнь Чаншэн объяснил.

Завтра будет назначенное время для произведения Киноварных Пилюль, и он раздумывал, остановить ли эту сессию, чтобы он мог сохранить энергию для грядущей последней битвы.

Потому что Киноварная Пилюля не смогла спасти тех людей, которых он хотел спасти.

Люди быстрее всего созревали на поле боя.

У Гуань Бая была ледяная рука.

Это не лишало его сердце тепла, но и не делало гораздо крепче, чем обычно.

Линхай Чживан колебался некоторое время, прежде чем сказать: «Есть ли возможность... что для той стороны неуместно передавать новости?»

Для учителя в итоге попросить у ученика помощи... особенно в случае этих учителя и ученика, известных за их странные отношения, было очень сложно.

Если все действительно было так, и Чэнь Чаншэн не возьмет инициативу, предоставляя подкрепления, что они будут делать, если что-то действительно случится?

Шан Синчжоу был Святым с непостижимой культивацией, но он все еще был стар, а его тело было дряблым.

Согласно новостям из Лояна, он сильно состарился в несколько последних лет.

Нельзя было допустить, что бы что-то случилось с Шан Синчжоу, потому что он был духовным лидером расы людей.

Независимо от того, насколько он мог недолюбливать его, стоило принять этот факт.

Когда он думал о той весенней сцене, о завязанных черных волосах и... белых волосах, которые уже было невозможно скрыть, Чэнь Чаншэн на некоторое время затих. В конце концов, все, что он сделал, это махнул рукой.

.....

.....

С продолжением битвы давление с различных сторон становилось все более и более настоящим. Взгляды стали Красными Соколами с сообщениями, а некоторые Божественные Генералы даже пытались ворваться в лагерь и запросить встречу с Чэнь Чаншэном.

Чэнь Чаншэн встретил этих Божественных Генералов, но не принял их просьбы.

Сюй Южун сказала: «Там и правда довольно угрюмая ситуация. Северный Третий Лагерь не выдвинется, но это вскоре может сделать Четвертый Лагерь».

Чэнь Чаншэн ответил: «Я знаю».

Сюй Южун подметила: «Давление растет».

Чэнь Чаншэн взглянул на далекие равнины и пыль, поднимающуюся с гор. Через несколько мгновений тишины он сказал: «Когда я был маленьким и рос в Синин, с приходом давления от него прикрывал меня старший брат. Когда я отправился в столицу, это были Боевой Дядя и Архиепископ Мэй Лиша. После этого это была ты. Но, в действительности, у меня довольно хорошая способность выдерживать давление».

Он прямо выдерживал тень смерти с десяти лет. Не было никого лучше его в выдерживании давления.

Он продолжил: «Битва началась слишком рано. Это проблематично».

Да, насколько бы мрачным ни было состояние поставок в Город Сюэлао, они должны были продержаться некоторое время, по крайней мере, пока погода не станет немного холоднее.

Сюй Южун тоже так думала, спрашивая: «Что ты думаешь?»

«То, что учитель не просит помощи, означает, что ему не нужна моя помощь. Я не знаю, что он планирует, и я всегда был немного слабым в этом аспекте, так что только могу сотрудничать с ним так, как делаю обычно...»

Чэнь Чаншэн посмотрел на нее и сказал: «Как и в Городе Белого Императора. Ты и Учитель закончили планировать все, а я просто последовал».

Сюй Южун задумалась, понимая, что он был прав.

Если говорить о характере, она, Шан Синчжоу, и Божественная Императрица были одним типом людей, тогда как Чэнь Чаншэн был другим.

Продолжение человечества требовало первого, но второе было целью. Возможно, именно поэтому она любила его?

«Я люблю тебя».

Сюй Южун говорила с большой серьезностью, уставившись ему в глаза.

Такое признание действительно было внезапным.

Что важно, вокруг все еще было много людей, в палатке все еще были люди.

Они не делали попыток скрыть свой разговор.

Линхай Чживан аккуратно очищал магический артефакт в руке, как будто совсем ничего не слышал.

Рука Божественного Генерала Хэ Мина, поднимавшая палатку, замерла, как и его улыбка.

Ань Хуа

.....

.....

Подобное зрелище было редким явлением: маленькие цветы смогли расцвести среди крови и огня. Основной темой поля боя все еще была битва.

Битвы были повсюду - хаотические битвы, кровавые битвы. Равнины к югу от Города Сюэлао на сотни ли были заполнены постоянными боями.

Земля здесь была наполнена гниющими субстанциями. Это была пьянящая чернота, настолько богатая и избыточная, что кровь, падающая на нее, вовсе не казалась выделяющейся.

Но когда равнины были окрашены в белый цвет выпавшим за несколько дней снегом, а затем была добавлена красная и зеленая кровь, возникшая картина была даже более трогательной.

Даже самые радикальные из художников Города Сюэлао никогда не смогли бы представить эту комбинацию цветов, это столкновение мазков.

Притворные атаки, подавление, разделение и покорение, толкание, как волна - когда все маленькие маневры были использованы, ситуация все еще была ясной, как и в начале.

Самые напряженные битвы имели место между волчьей кавалерией, ведомой Командиром Демонов, и Восточной Армией.

Волчья кавалерия и черная кавалерия сталкивались, разрывая друг друга на части, поглощая друг друга.

Это было подобно месту, где встречались река и океан.

Различные оттенки крови сталкивались, поднимая большие волны, формируя гигантский вихрь, которого было достаточно, чтобы поглотить небо.

Центром этого вихря была в точности та маленькая и непримечательная гора.